

Ronald Vroon

University of California Los Angeles
Department of Slavic, East European and Eurasian
Languages and Cultures
vroon@humnet.ucla.edu

VELIMIR KHLEBNIKOV'S "HUNGER" POEMS: A TEXTUAL-CRITICAL ANALYSIS

In the autumn of 1921 Velimir Khlebnikov moved to Pyatigorsk where he experienced firsthand the catastrophic impact of the Volga River Basin Famine. He wrote many poems devoted to the famine, among them variants of a poem he titled, in a few cases, "Golod." Three of these variants have been published, six have not. All but one, a version published by Dmitrii Kozlov in 1927, are either unfinished fair copies or still very rough drafts. These poems are the target of the present essay, which attempts to outline the three major paths of development that the poem may have taken had Khlebnikov chosen to develop and complete the work.

Key words: Velimir Khlebnikov, Dmitrii Kozlov, famine, "Golod", "Tri obeda", Volga River Basin Famine, textual criticism.

Писал он неустанно, но печатал очень неохотно,
все отговариваясь:

— Еще не готово... Надо переработать.

Dmitrii Kozlov

In 1921, the Russian Socialist Federative Soviet Republic, later renamed the Russian Soviet Federative Socialist Republic, suffered the third of three catastrophes that midwifed it into existence. The first had been the surrender to Germany, ending the Russian republic's participation in the First World War. The second was the Civil War. The third was the devastating famine that struck southwest Russia — in particular the Volga River Basin and the Caucasus. In the words of American historian Douglas Smith:

The worst drought in thirty years gripped much of Soviet Russia in its deadly grasp: nearly the entire length of the Volga River Basin, from Nizhny-Novgorod in the north all the way to the Caspian and from Ukraine in the west to the edge of the Ural Mountains in Asia. Villages were starving. Over a hundred thousand peasants left their homes in search of food. Russia was facing a catastrophe.

(Smith 2019: 9)¹

---

¹ For detailed scholarly histories of the famine see also Patenaude 2002 and Poliakov 2007.

Velimir Khlebnikov came to Baku from Rostov-na-Donu in late September 1920 and spent a month working at the local branch of the Russian Telegraph Agency (BakkavROSTA — the Baku Caucasus branch of the Rossiiskoe telegrafnoe agentstvo) and later for the Political Section (*Politotdel*) of the Caspian Flotilla while continuing his work with ROSTA — see Parnis, 2010: 17). From mid-April to the end of July 2021 he wandered around northern Iran as a member of the Red Army expeditionary force sent by the new Bolshevik regime to support the revolutionary movement in the province of Gilan. When he returned to Baku the intimations of the famine to come were already present. In an article written in 1922, alongside an obituary documenting Khlebnikov's death in late June 1922 in the village of Santalovo in Novgorod Province, the Baku poet A. Borodin, head of the “Red Star” University in Baku (a naval school where Khlebnikov delivered at least one lecture on his “laws of time”) described Khlebnikov in Baku as follows:

«В бытность свою в Баку (в 1919 и нач. 1920 г.) Х<lebnikov> сильно опустился. Он ходил полубосой, полуодетый, невытый, нечесанный и *вечно голодный*. Это диогенство было почти принципиальным.

(Borodin 1922: 4; our italics).²

After leaving Baku in August, Khlebnikov made his way toward Pyatigorsk, stopping for a time at the resort town of Zheleznovodsk, where the family of a Baku colleague, Boris Samorodov, was residing for the summer. One of Boris's sisters, Ol'ga Samorodova, mentions in her memoirs the hunger Khlebnikov experienced in Baku.³ About his brief sojourn in Zheleznovodsk she recounts the following:

Жизнь наша в Железноводске была трудна и голодна, и мы частенько сидели без хлеба. В один из таких бесхлебных дней он явился из лесу с грудой лесных груш. Протягивая их нам, он заявил, весьма серьезно и с убежденностью: «Оказывается, ими можно отлично питаться». На эту реплику хозяйка даже засмеялась в злом восторге: «Куда уж лучше!.. Встал утром: есть у нас что поесть? — А как же — целый лес груш!»

(Samorodova 1972: 190)

From Zheleznovodsk Khlebnikov made his way to Pyatigorsk, where he lived from September through mid-December 1921. Because of his experience in agitational propaganda in Baku, he sought and received employment at the Pyatigorsk branch of TerROSTA (Terskoe rossiiskoe telegrafnoe agentstvo), based on the name of the transcaucasian Terek River), though not as a propagandist, but as a night watchman. It was during his stay in Pyatigorsk that he experienced the full horrors of the famine in his personal life. Not coincidentally the director of

² Borodin is off by one year. Khlebnikov's “bytnost' v Baku” actually began in late September or early October 1920 and ended in late July or early August 1921.

³ «Но голод давал себя знать: и в лице, и на руках появилась у него нездоровая одутловатость, он слабел» (Samorodova 1972: 188).

TerROSTA, Dmitrii Sergeevich Kozlov, associated Khlebnikov's arrival in Pyatigorsk with the onset of the famine, more keenly felt in the Volga River Basin than in the Caucasus. He opens his memoirs about Khlebnikov as follows:

С весны по осень не было на Тереке ни капли дождя. Все выгорело... И Терек из производящего района неожиданно стал потребляющим. Запасов продовольствия оставалось только до зимы.

Тревожное настроение усиливалось кошмарными вестями с голодающего Поволжья. Требовалось огромное напряжение воли и находчивости, чтобы предотвратить панику...

В разгаре борьбы с голодом, беспризорностью и усилившимся бандитизмом — к нам в Пятигорск пришел Велемир [sic] Хлебников.

(Kozlov 1927: 177)

Though devoting his time primarily to writing,

Хлебников, сам голодая, больной ходит по городу и отводит беспризорных в питательные пункты.

В такие моменты он не утрачивает спокойной ясности поэтического настроения, не утрачивает способности созерцания — он дает нам картины голода среди детей и животных, больше того — дает пантеистическое описание природы Пятигорья осенью.

(Kozlov 1927: 184)

Before undertaking our analysis of certain important texts by Khlebnikov devoted to the Volga River Basin Famine of 1921–1922 a few remarks regarding the causes of the famine should be registered. The first and most obvious reason was the horrific drought that afflicted southwest Russia and beyond beginning in mid-1920 and lasted close to three years. The second reason was the requisitioning of grain (*prodrazvërstka*) by the new Bolshevik authorities, leaving peasants unable to seed new crops and leading them to resist planting available fallow land in order to deprive the Bolshevik authorities of any surplus grain. The drafting of peasant recruits and the punishment (detention and often execution) of deserters further enraged the peasant population of affected provinces and led to major peasant rebellions, including the famous Tambov rebellion of 1918–1921. All of these factors — climatological, anthropological, political — must be taken into account in reading and analyzing Khlebnikov's "hunger" poems.

What prompted Khlebnikov to take up this topic? Obviously his personal empathy with those suffering from the famine. But it is equally likely that the catalyst was Kozlov himself, who clearly recognized Khlebnikov's poetic genius and wished to deploy it in supporting TerROSTA's plan to disseminate news about the famine throughout the Caucasus and urge public support and assistance for those affected by the catastrophe. We know of at least two poems ("Pochemu?" and "Nesite, krichite, trubite" that were distributed by TerROSTA and thus were probably commissioned by Kozlov for one or both of TerROSTA's publishing venues: *Stennaia gazeta* ROSTA and the *Odnodnevnaia gazeta Terek — Povolzh'iu* (see Kozlov 1927: 184 and SS 2: 568). A third motivating factor may have been Khlebnikov's evolving political views. His first-hand encounters with the cruel-

ties of both sides in the Civil War and his awareness that the new Bolshevik regime was complicit in causing much of the suffering he observed and himself experienced, may have prompted him to welcome this opportunity to unmask the ruthlessness and brutality of the Leninist regime. He was temperamentally and politically a believer in the revolutionary cause, but in that variant of the cause most ardently supported by the Socialist Revolutionaries and grounded in the politics of the nineteenth-century *narodniki*, not the Bolshevik variant (see Vroon 2020).

Numerous poems in Khlebnikov's *oeuvre* address the issue of the Volga River Basin Famine (most are not precisely dateable, but can be traced back to the months he lived in Pyatigorsk). Among them are: "Mat' pripolzla s rebenkom na grudi..." (SS 2: 281); "Golod! Golod! Golod!..." (SS 2: 282); "Narod otchaialsia. Zaplakala dusha..." (SS 2: 283); "Nansen. Ty otkryl materik..." (SS 2: 284); "Volga! Volga!..." (SS 2: 389, 492); "Vy, postavivshie vashe briukho na paru tolstykh svai..." also titled "Golod," "Trubite, krichite, nesite!" and "Nesite, krichite, truibite!" — see SS 2: 280, 568 and IS: 462–463); "Chetyre oblasti na Ès..." unpublished — see RGALI, f. 527, op. 1., ed. khr. 42, l. 4). The two best known poems, textologically very closely related and the target of the following remarks, are the long *poëma*, "Golod," first published by N. Stepanov in 1933 (SP 5: 75–81; see also SS 3: 318–323) and drawn from the so-called "Grossbuch," a large album-repository of new and reconstructed works (see RGALI, f. 27, op. 1, ed. khr. 64, l. 74 ob. — 75 ob.); and two short poems titled "Golod" one in SS 2: 277–278 and another in TV: 153–54. Ostensibly they represent the same poem; however, the TV text was initially published under an unknown title (or none at all) in some venue published in the Fall of 1921 in Pyatigorsk by Terskoe gosudastvennoe izdatel'stvo (Tergosizdat) and later, in 1927, by Dmitrii Kozlov under the title "Pochemu?" (based on the first line of the poem, "Pochemu losi i zaitsy po lesu skachut..." and inserted into his memoirs about Khlebnikov (Kozlov 1927: 180–182). For future researchers it is important to register the fact that, though the poem title «Голод» in SS 2: 277–278 is also linked to the one published by Kozlov in 1927 (the editors claim that the text they reproduce "pechataetsia po rukopisi" — p. 567), in fact only the text in TV: 153–54 accurately reproduces Kozlov's 1927 variant,⁴ while the one reproduced in SS 2, follows a manuscript that differs in some important ways from Kozlov's. Though it may initially have served as Kozlov's source text, either Kozlov or Khlebnikov or both together introduced certain changes in the text that Kozlov ultimately published. Appendix A below reproduces the version published in SS, including all variant readings and corrections, and compares it to Kozlov's 1927 printed variant.

The editors of SS call this shorter text an abridged version (*sokrashchennyi variant*) of the *poëma*. But the textual critical issues are much more complicated.

⁴ There are some elements of standardization in TV with respect to contemporary norms of punctuation, spelling and grammar but these are hermeneutically inconsequential. See also PDPP 138–139, which more properly gives the title of the poem, "Golod," in angular brackets, signaling that this title is an editorial interpolation.

There are at least nine known variants of “Golod,”⁵ only three of which have been published: the *poëma* from the “Grossbuch,” the TerROSTA short poem of 1921 reproduced by Kozlov in 1927 (TV: 153–154) and the manuscript on which it is ostensibly based (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48. l. 4; see SS 2: 277–278). Many of the “Golod” poem are filled with indeterminacies and ambiguities, with the possible exception of the TerROSTA/Kozlov variant, whose ultimate manuscript source is uncertain. The nine known “Golod” poem are housed in RGALI. Here is a comprehensive list:

FIRST (LONG) REDACTION

- 1) «Почему лоси и зайцы по лесу скачут...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 12, 12 ob., 13, 13 ob., 14, 14 ob., 15, 15 ob.).
- 2) «Golod» («Почему лоси и зайцы скачут в лесу...») (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 64. l. 74 ob., 75, 75 ob.).

SECOND (TRIPTYCH) REDACTION

- 3) “<B> холодном селе тесовая изба...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 55, l. 2 ob.).

THIRD (SHORT) REDACTION

- 4) «Почему лоси и зайцы скачут в лесу...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 2, 3).
- 5) «Почему лоси и зайцы по лесу скачут...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 4; cf. SS 2, 277–278).
- 6) «Почему» («Почему лоси и зайцы по лесу скачут...») (Kozlov 1927: 181–182; cf. TV: 153–154).
- 7) «Почему лоси и зайцы скачут в лесу...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 7, 8).
- 8) «Почему лоси и зайцы скачут по лесу...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 48, l. 9, 10).
- 9) «Почему лоси и зайцы скачут по лесу...» (RGALI f. 3145 — Khardzhiev Nikolai Ivanovich, op. 1, delo 804, l. 2).

DERIVATIVE TEXTS

- 10) «Четыре области на Эс / сожгло бездождие небес...» (RGALI, f. 527, op. 1. ed. khr. 42, l. 4).

⁵ These do not include the poem titled “Golod” in SS 2: 280, which begins «Вы! поставившие ваше брюхо на пару толстых свай...». The poem may indeed bear that title in the manuscript source cited by the editors («Печатается по рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Всволода Вяч. Иванова) с пометой “ТерРОСТА 1921”» — SS 2: 568), but is titled «Несите, трубите, кричите...» in its first ТерРОСТА publication and «Трубите, кричите. несите...» in Dmitrii Kozlov’s republication of the poem in his memoirs (Kozlov 1927: 180). The “correction” SS introduces in the last line of the poem («Кричите, кричите, к устам взяв трубу» becomes «Кричите, <трубите>, к устам взяв трубу» is explained as follows: «Конъектура последней строки устраняет механическое повторение глагола “кричите” в рукописи» — SS 2: 568). Regrettably this editorial change also introduces a rhetorically unmotivated pleonasm in the line («<трубите>...взяв трубу»).

None of the poems listed above are “finished” works with the possible exception of № 6.

As the ordering of the list indicates, the nine “Golod” poems can be classified as belonging to three distinct redactions. Each of these represent the core of a “finalized” text that Khlebnikov never brought to realization. What we have called the “long redaction” consists of two texts (№ 1 and № 2), both of them long rough drafts linking a number of themes that ultimately could have evolved into a finished *poëma*. The roughest of these two texts is contained in a small notebook consisting of 173 lines on eight pages of text — № 1 above). The following thematic modules can be distinguished in the following order:

- a) women and children are scavenging for food in the woods;
- b) this leads pitifully to the collection of butterflies and other flying insects that might be cooked into some sort of borsch;
- c) the women and children reconnoiter for edible leaves, worms and insects; the activity culminates in an epiphanic encounter with a rabbit, who adroitly escapes capture (and cooking!);
- d) the scene shifts abruptly to a hut in a village, wherein the father and mother of a small family (two daughters and at least one son) prepare and divide up a very meager meal of adulterated black bread and a stew of slaughtered mice;
- e) the narrator recounts the butchering of the last cow (and its calf) in the village at some unspecified earlier date;
- f) one of the young sons in the family captures three frogs in the woods for all to eat around a campfire along with sweet weeds and grasses;
- g) scores of villagers descend into a ravine where edible clay (holy earth) is said to lie and which can supposedly assuage their hunger;
- h) the narrator describes the efforts of contemporary scientists to explore ways to cultivate food without relying on the seasons or the availability of edible earth and seeds;
- i) the narrator describes the cloudless skies, the merciless sun, the depletion of food supplies across four southwestern provinces.

A slightly longer version of the “longer redaction” (about 192 lines in SP 5, a few lines longer in the SS 2 transcription) is registered in the “Grossbuch,” which adds some new motifs and also devotes more or less attention to each motif listed above. Thus the “Grossbuch” redaction introduces motifs of additional forest creatures suffering from the drought (other rabbits, a wolf, a squirrel, some foxes). Less attention is paid to the utopian dreams and experiments of scientists and more to the overrunning of the ravine with the edible clay. The need for greater order in the *poëma* is reflected in the structuring of the whole text. It is divided into numbered sections (“I” and “II”); the whole *poëma* is titled “Golod” and section II is titled “Golod v derevne.” This division is critically important as a manifestation of another possible direction for the evolution of the whole text.

Only a few days after composing the earliest versions of “Golod” (around October 7, 1921, judging by the date of composition recorded in the “Grossbuch”) Khlebnikov began work on another shorter poem, “Tri obeda” (see SS 2: 474–476) which describes a meal consumed by the new Soviet elite at one of the private cafes in Pyatigorsk, a meal that is sumptuous and betrays the gluttony of the diners. The odd title (only one *obed* is described) and the temporal proximity of the text’s composition to that of “Golod” led me to propose some years ago that Khlebnikov had in mind as his ultimate goal the creation of a poetic triptych consisting of 1) the poem that now bears the title “Tri obeda” 2) the *poëma* “Golod” dealing with the famine; and 3) “Alye gory alogo miasa...” (SS 2: 279); see KRYSA: 39), a poem that reads like a polished variant of “Tri obeda.”

A decade ago Sofiia Starkina concurred that “Tri obeda” is an unrealized triptych (Starkina 2012), the second poem of which is the “Golod” poem from the “Grossbuch” or a variant thereof. She argues, however, that the third “obed” is the projected utopian repast alluded to both at the end of the “Grossbuch” redaction of “Golod”:

А в то же время ум ученых,
В миры другие устремлен,
Из земель, мысли подчиненных,
Хотел построить жизни сон.

(SP 5: 81; cf. SS 3, 323)

and the somewhat more expansive passage devoted to this utopia motif in the other version of this longer redaction:

А в то же время мысль ученого работала
Над приготовлением земли
На овощ, мясо и вино.
И строгие очи блестели,
5 Даль прозирая веков.
Мыслитель провидел века,
Когда выйдут в отставку
Колос ржи,
10 И глина, и земли, грязи, песок
Будут людей услаждать
Обонянье и вкус...

(Starkina 2012: 87)⁶

Such may indeed be the case. Why, though, would Khlebnikov avoid a more elaborate description of this utopian *obed*? In fact, he did not. In a highly utopian essay (“Radio budushchego”) on the potential uses of radio that Khlebnikov

⁶ Starkina continues, “Dalee, k sozhaleniiu, tekst ochen’ plokho chitaetsia, no on prodolzhaetsia na l. 14 ob., 15, 15 ob.” The continuation, however, has nothing to do with this utopian vision. The passage cited by Starkina (RGALI, f. 527. op. 1. ed. khr. 48, 14 ob.) concludes with the lines: «Беконечным полям/Вернет и себя.» These lines come at the end of the page. and are followed on l. 15 with a description of the drought conditions in southwest Russia.

composed while in Pyatigorsk he writes what sounds like a continuation of the poem cited above:

И вот научились передавать вкусовые ощущения — к простому, грубому, хотя и здоровому, обеду. Радио бросит лучами вкусовой сон, призрак совершенно других вкусовых ощущений.

Люди будут пить воду, но им покажется, что перед ними вино. Сытый и простой обед оденет личину роскошного пира... Это даст Радио еще большую власть над сознанием страны...

Даже запахи будут в будущем покорны воле Радио: глубокой зимой медовый запах липы, смешанный с запахом снега, будет настоящим подарком Радио стране.

(SS 6/1: 194)

The *radio-obed* of the future may be the third *obed*. It is equally likely, however, that the second and third *obedy* are already represented in the *poème* “Golod,” which has two distinct sections, one devoted to food scavenging in the forest and the second mostly to food preparation and consumption in a village hut. One of the unpublished variants of “Tri obeda” (RGALI f. 527. op. 1., ed. khr. 55, l. 2) contains on *folio verso* a poetic fragment dealing with the Volga famine (a variant of this text makes up the second section of “Golod,” SP 5: 77–78); see KRYSA: 117; cf. Starkina 2012: 86 and Appendix B below). Significantly, the *recto* and *verso* are marked “1)” and “2)”, confirming that they are to be read in sequence as part of one extended work. Regrettably, there is no section of text marked “3),” leaving us to speculate what was to have been the third *obed*. A hint that the second and third *obedy* coincide with the two major sections of “Golod” in the long “Grossbuch” redaction is the fact that there is a variant of “Tri obeda” in the “Grossbuch” which, after a lengthy description of a sumptuous private café-dinner, includes some ending lines pointing to two main thematic clusters of “Golod”: “

Война деревьям и лесам
Война съедобной глине

(RGALI f. 527. op. 1., ed. khr. 64, l. 32 ob.)

The third and most common way in which “Golod” could evolve into a “finished” text is as an abbreviated poem like the one Kozlov republished in 1927 after its initial TerROSTA appearance in 1921. Not coincidentally, the vast majority of such abridgements (№ 4–9 above) begin with the same opening lines and descriptions of women, children and animals scavenging the forest for anything edible, and the TerROSTA/Kozlov text may be the most “finished” of all (the deploying of arboreal imagery at the beginning and end of the poem to effect poetic closure is particularly impressive). But the short “spin-offs” could also focus on other themes, e.g. the description of the impact of the drought itself, as illustrated by the tenth text in our list of “Golod” poems, “Chetyre oblasti na Ès...” (unpublished), which expands on the merciless beating sun in the four provinces whose names begin with “S”: Saratov, Simbirsk, Stavropol and Samara.

APPENDICES

The two appendices below, containing transcriptions of Khlebnikov manuscripts, observe the following conventions:

- 1) the transcriptions seek to preserve fidelity to the originals, meaning here that both correct and incorrect textual elements (errant or careless spelling and punctuation, inadvertent repetition of words. etc.) are reproduced in the main text or documented in the footnotes. The only exception to this practice is to capitalize the first word of each line, even where Khlebnikov uses a lower-case letter, because it is his common practice to capitalize the beginning of each new poetic line, except in those cases where a line beginning in lowercase is also deeply indented, suggesting that it is a continuation of the previous line.
- 2) all text in italics is *metatext*, i.e. editorial numbering, notes and commentary.
- 3) the fundamental unit of analysis is the poetic line, either single or in a cluster — a cluster would be cited if the changes in one line are best understood in terms of changes across an entire sequence of lines. Footnotes reproduce the most plausible order in which corrections in each line or cluster of lines were made by the author. The initial text in the footnote reproduces the first (and rejected) variant of the line in question. A series of entries for a given line are marked alphabetically (*a.*, *б.*, *в.*, *г.*, *д.* etc.) and document the likely order in which corrections were made to the given line.
- 4) on rare occasions this procedure is imbedded within a series of lines that were all ultimately rejected. In such cases the rejected lines are given in their final form and identified by lower-case roman numerals (*i*, *ii*, *iii*, *iv*, etc.) If these lines themselves initially underwent correction. They are documented under the rubric *исходный вариант/исходные варианты*. The corrections are given consecutively, and marked alphabetically (*a.*, *б.*, *в.*, *г.*, *д.* etc.).
- 5) On a few occasions where several changes have been made in a line but it is impossible to determine the order in which the changes were made, subscripts have been introduced to divide the targeted line into segments, and the subscript number is affixed to the line number after a decimal point. The variant that is registered refers specifically to that segment, which consists of all words to the left of the subscript up to the previous subscript, or up to the beginning of the line, whatever comes first.

For example:

Line 17 of the first appendix would appear as follows in an isomorphic transcription (square brackets are placed around fragments that have been crossed out):

[же]
[После]   Хлебцы пекут из [бе<^>] лебеды.
[из]

The final version is reproduced as follows in the basic text:

17 Хлебцы пекут₁ из лебеды.₂

The line has artificially been divided into two segments — Хлебцы пекут₁ and из лебеды.₂ — marked by subscripted numbers.

In each of these segments Khlebnikov introduced changes, but we do not know which came first, second, etc. The footnotes register the following changes:

17.1 а. *Начато:* Хлебцы пекут

б. *Начато:* После же из

17.2 *Начато:* из бе<^>

17.1 designates line 17, segment 1. Khlebnikov started out with the phrase «Хлебцы пекут», then decided to begin the line with the words «После же из». In all likelihood he was considering «После же из лебеды хлебцы пекут» but we do not know for sure, and we wish to avoid such speculative reconstructions. We know only that he started out with «Хлебцы пекут» and subsequently rejected (crossed out) «После же из» and was left with «Хлебцы пекут».

As for the second segment (17.2), «из лебеды» Xlebnikov started out with «из [бе<^>]» but never completed the word that begins with «бе...», crossed it out at some point, added the word лебеды, leaving «из лебеды.»

The following non-alphabetical signs have the following meanings:

- [ ] — indicate that what is within the square brackets has been crossed out.
- <> — indicate that what is within the angular brackets is an editorial conjecture with a high degree of probability that the reading is correct.
- <^> — words ending in this sign lack any ending by the author and any conjecture is deemed too speculative.
- <~> — words ending in this sign were completed by the author but the ending, virtually illegible, is too ambiguous and therefore any conjecture is deemed too speculative.

Conjectured material within angular brackets is occasionally underlined. Underlined letters or words are not present in the manuscript, but have been provided as an editorial clarification. Words and letter not underlined within the aforementioned brackets are present in the manuscript but are authorial and sufficiently recognizable to prompt editorial conjectures.

APPENDIX A: «ПОЧЕМУ ЛОСИ И ЗАЙЦЫ ПО ЛЕСУ СКАЧУТ,...»

This poem was first published by TerROSTA in Pyatigorsk in 1921 (probably as a “poster poem,” a copy of which has not survived or been made public, and subsequently reproduced by the director of TerROSTA, Dmitrii Kozlov, in his

1927 memoirs, “Novoe o Velemire [sic] Khlebnikove” under the title “Pochemu?” — see pp. 181–182). the other is a full transcription of the manuscript which, according to the editors of SS 2 (see pp. 277–278), served as the basis for Kozlov’s variant (see RGALI, f. 527. op. 1, ed. khr. 48, l. 4). Departures of the Kozlov text from the manuscript are in bold print (in the case of punctuation differences and/or the use of conjunctions or prepositions, the preceding word is also given in bold print).

RGALI, f. 527. op. 1, ed. khr. 48, l. 4

- Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побегии зеленые.
- 5 Жоны и дети бродят в лесах
И собирают березы листы
Для шей, для окрошки, борща
Елей верхушки и серебрянный мох
Пища лесная!
- 10 Дети, разведчики леса,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых червей
Зайчью капусту и гусениц жирных
Или больших пауков, они слаще ореха
- 15 Ловят кротов и ящериц серых,
Гадов шипящих стреляют из лука
Хлебцы пекут₁ из лебеды.₂
За мотыльками₁ от голода₂
Глянь<->ка, бегают,
- 20 Целый набрали мешок
Будет сегодня из бабочек борщ!
— Мамка сварит
На зайца, что нежно,
Прыжками скачет по лесу,
- 25 Дети точно во сне,
Точно на светлого мира видение
Все засмотрел<ись>
Большими глазами, святыми от голода
Правде не веря.
- 30 Но он убегает проворным видением
Кончиком ух<а> чернея сквозь сосны.
И в догонку ему стрела понеслась,
Но поздно.
Сытый₁, обед ускакал!₂
- 35 А дети стоят очарованные.
«Бабочка глянька там пролетела
Лови и беги а там голубая».
Хмуру в лесу. Волк прибежал
Издалека
- 40 На место, где в прошлом году
Он скушал овцу.
Долго крутился юлой, крутобокий
Все место обнюхал
Но ничего не осталось — дела₁ муравьев₂.

Kozlov, 1927: 181–182: «Почему»

- Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди с’ели кору осины,
Елей побегии **зеленые...**
Жены и дети бродят по лесу
И собирают березы листы
Для шей, для окрошки, **борща**,
Елей верхушки и **серебрянный мох**, —
Пища **лесная**.
- Дети, разведчики леса,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых **червей**,
Зайчью **капусту**, **гусениц** жирных
Или больших **пауков** — они слаще **орехов**
Ловят **кротов**, **ящериц** серых,
Гадов шипящих стреляют из **лука**,
Хлебцы пекут из лебеды.
За мотыльками от **голода бегают**:
- Целый набрали мешок,
Будет сегодня из бабочек **борщ** —
Мамка сварит.
Зайца, что нежно **прыжками скачет по лесу**,
- Дети точно во сне
Точно на светлого мира видение
Восхищенные смотрят большими глазами,
Святыми от голода,
Правде не **верят**.
Но он убегает проворным **видением**,
Кончиком уха **чернея**.
В догонку ему стрела **полетела**,
Но поздно — **сытый обед ускакал**.
- А дети стоят очарованные...
«Бабочка, **глянь-ка**, там **пролетела**»...
Лови и беги! а там **голубая**!...
Хмуру в лесу. Волк прибежал из далека
- На место, где в прошлом году
Он скушал **ягненка**.
Долго крутился юлой, **все место обнюхал**,
Но ничего не осталось —
Дела муравьев, — **кроме сухого копытца**.

- 45 Кроме сухого копытца.
Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса
Тетеревов алобровых и глухарей
Серогрудых
- 50 Заснувших под снего<м>
Будет давить лапой тяжелой
Облаком снега осыпан
- Лисичка огневка пушистая
Комочком на пенё взобралась
- 55 И размышляла горяя
Разве собакою стать? Людям
На службу пойти?
Сеток растянуто много, ложися в любую
<Без строфического раздела>
Опасно, съедят, как съели собак
<Без строфического раздела>
- 60 И стала лисиц<а> лапкою мыться
Покрытая, парусом красны<м> хвоста.₂
Белка ворчала
<«>Я не святая Кушать!я тоже хочу
Где же мои орехи и жолуди.»
<Без строфического раздела>
- 65 Тихо. Прозрачно.
Сосна целовалась с осинной.
<Без строфического раздела>
Может на зав<т>ра их срубят на зав<т>рак.

Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса.
Там тетеревов алобровых и **седых глухарей**,

Заснувших под снегом, **будет лапой**
Тяжелой давить, брызгами снега осыпан...

<Без строфического раздела>

Лисанька, огневка пушистая
Комочком на пенё взобралась
И размышляла **о будущем...**

Разве собакою стать?
Людям на службу пойти?

Сеток растянуто много —

Ложись в любую...

Нет, дело опасное.

С'едят рыжую лиску,

Как с'ели собак!

Собаки в деревне не лают...

И стала лисица **пуховыми лапками мыться.**

Взвивши кверху огненный парус хвоста,

Белка сказала ворча:

«Где же мои орехи и жолуди? —

Скушали люди!»

Тихо, прозрачно, **уж вечерело.**

Лепетом тихим сосна целовалась

С осинной.

Может, на-завтра их срубят на завтрак.

5 Слово жоны зачеркнуто и восстановлено.

14 Слово ореха зачеркнуто и восстановлено.

10 Начато: Дети, разведчик<ами>

17.1 а. Начато: Хлебцы пекут

б. Начато: После же из

17.2 Начато: из бе<^>

18.1 а. Начато: За моты<^>

б. Последние 4 буквы слова мотыльками зачеркнуты и восстановлены.

18.2 Начато: От голуб<^>

19 Справа от ст. зачеркнуто:

гон<^>

гоняться

гоняться

20 а. Начато: Не робь! целый набрали м<^>

б. Не робь! целый набрали мешок

21 Не робь! Будет сегодня из бабочек борщ,

24 Прыжками скачет, скачет по лесу,

Возможно, слово скачет просто зачеркнуто и восстановлено.

25 а. Начато: Т<^>

Слева от ст. помета: 1)

б. Начато: Дети в то<^>

После 25 Зачеркнуты все варианты след 2 ст.:

i Большими глазами, святыми от голода.

ii Восхищенные смотрят

Исходный вариант

- і Глазами громадными, святыми от голода. Слово от зачеркнуто и восстановлено, но снова зачеркнуто вместе со словом голода*
- 26 Точно на мира другого явленіе — слово мира начато дважды (м<^>, ми<^>).
В рук.: слева от ст. помета 2)
- 27 а. Восхищенные смотрят
б. Очарованно смотрят
- 30 Начато: Но он убегает проворно
- 31 Кончиком ух<а> чернея через сосны
В рук. описка автора: ухом
- 34.1 Начато: Какой сытый. Возможно, описка автора; в таком случае: Какой сыт<н>ый
и в окончательном варианте: Сытн<н>ый обед ускал!
- 34.2 обед ускал!
После 34 Зачеркнут ст.:
И зайц вслед
- 41 а. Начато: Он скуш<ад>
б. Он ягненка поел
В окончательном варианте описка: Он скушал о овцу
- 42–45 Долго крутился, юлил, все место
Обнюхал
- 44.1 Начато: дела му<^>
- 46–47 а. Огорченный
Утек за леса
б. Огорченный, худый бока подобрав,
Утек за леса
- 48 а. Седогрудых
б. С<^>
в. С<ѣр^>
- 50 Заснувших в снегу
- 53 Начато: Лисч
- 54 Слово комочком зачеркнуто и восстановлено.
- 56 Слово Людям начато (Л<^>), зачеркнуто и восстановлено.
- 59 Слово съедят зачеркнуто и восстановлено.
- 61.1 Качня
- 60.2 парусом красны<м> хвоста ворчала
При окончательной правке слово ворчала не зачеркнуто, но перенесено на след. ст.
- 63 Начато<«>: Я не святая Кушая
- 66 Сосна целовала осину
При окончательной правке слово осину зачеркнуто, а словосочетание Сосна целовалась написано дважды.

APPENDIX B: «ТРИ ОБЕДА» (RGALI, F. 527, OP. 1, ED. KHR. 55, L. 2, 2 OB.)

л. 2 об. 3 обеда

- 1)
Вечер. столовая. до такого то часа.
Окорока с прослойками мяса
Свиные кишки блюдо где ушки
Набитыя жиром
- 5 Хлеба ломти, оправленные сыром₂
Алая пища, мясн<а>я здоровая
Только головка <суровая,> жирн<ее> денег.
Красных яблок горы и горки
Сытные вечерние <р>азговоры
- 10 Про былые громкія ссоры с выстрелом

- С попойками
 Алоликих алоглазых людей
 Ча́я стака́ны с лимоно́ю корко́й
 Горя́чіе щи
- 15 Ломтя́ <с>ы́ра разреза́нна<го> слезы́ и свищи́
 Самова́р в клуба́х бела́го пара́
 Бела́ый чароде́й кипи́т
 Кто́ то у́ пива́ спи́т
 Со́чащее́ся кро́вью
- 20 Ды́мящее́ся поджа́ренное быча́ье мя́со
 На́ него́ смотря́т с лю́бовью
 Го́лова верхо́пля́са
 На́ блю́де те́кущая жи́ром говя́дина
 На́ стене́ вис<и>т зо́лотиста́я пара́ с хруст<ящей> ко́же<й> поро́сят
- 25 Безлеп<ые> <б>есе́ды, о́ тех че́й ко́нec <-> сто́лб с пере́кладин<ой>₂
 На́ темно́ зеле́ном степно́м о́громно́м арбу́зе
 А́лая сса́дина
 Це́почка зо́лота́я запры́г<ивает>₁ на́ пузо₂
 Тугі́е <другі́е> ли́ца
- 30 Деву́шка с го́ловкой пти́чей
 Е́ще и е́ще подал<а> а́лое в ды́му мя́со бы́чьё
 Круго́м него́ зеле́ни и бела́го хре́на ко́пны
 Полнокровн<ые> ме́шки лю́дских ли́ц
 Гото́вые ло́пнуть
- 35 Среди́ огу́рцов и ово́щей
 И зо́лото а́лых в жи́рных <стру́ях>ды́мящихся ше́й
 Соба́ке зала́явшей бро́шено<«> цы́ц<»>
 Чёрно́е пиво́. кто́-то засну́л.
 Други́м опроки́нут поста́велн<ный> сту́л
- 40 Здо́ровья́, здо́ровья́ ка́блук
 Среди́ темно́ а́лых я́блок.
 На́ стекля́нном прора́зчн<ом> блю́де
 С высо́ким подно́жіе́м
 Вы́бираю́т лю́ди
- 45 Вкусны́я пиро́жны́я.
 Бесе́ды и <высо́кой> речи́ ме́рное те́чени́е
 О прода́же и це́н<ах>и о́ покупке́
 Прерыва́ли хру́стящі́я пече́нія.
 Тая́вши́я во́ рту
- 50 И хрупкі́я тру́бочки плотны́я со́ сли<вками> бе́л<ыми>
 Мирны́е пере́г<о>во́ры о́ боченк<ах> водк<и>.
 52 Толсты́й щено́к
 53 С больш<ими> у́шами
 54 Зло́бно ры́чет
 55 Когда́ ему́ дали́ чёрна́го х́леба
- 52' Толст<ый> <щенок>
 53' встал на
 54' стул и зарычал от
 55' гнева
 56' когда ему дали чер<наго> <хлеба>

Деньги и кровь его небо.
 Зеркало новых господ худощав<ых>
 Чудовищно на <н>их похожий
 С полосатой морщинистой кожей

л. 2

- 60 <В> холодном селе тесовая изба
- 2) Угрюмый отец
 Склонен<ный> с ножом у окошка
 Хлеб делит по крошкам
 Да!
- 65 И воробей не был бы. сыт
 Нынче <д>ругой пошел быт
 Нынче больше глазами обед
 Лишь глаз<ами> кушать хотят греховодники
 А живот давно записался в угодники
- 70 Метит к святым вобразам
 К золотому кружку кому
 Лишь старым <кушать> глазам
 Иль это к лицу
 Нет и деды не ведали
- 75 Чтобы глазами обедали
 На хлебе таком нужно капусту сажать
 Жареху серых мышей
 Сын в поле поймал и принес.
 Серея длин<ным> хвостом
- 80 Лежит на столе
 Будет как надо
 Будут обедат<ь> сегодня
 Голод сегодня выгнан вшаей
 Будут сыты сегодня
- 85 Но мыши спасли. лучше Спаса
 И у голодных сестер₁ сегодня не будет слез₂.
 А завтра? что будет потом?
- Мальчик на речке достал
 Тройку зеленых
 90 лягушек.
 «Лучше цыплят»
 Он сестер
 Утешает
 «Белое, белое мясо.»
- 95 Вечером все к костру
 Соберутся
 И вместе лягушек
 Съедят
 В приправе из
 100 Белых–жирных червей.

- 2 Окрока с прослойками алаго мяса
3–5 а. Свиныя кишки
Блюда с белым кози<ь>м жиром
В рук: козиим
б. Свиныя кишки блюда где ушки
С белым коз<ь> им сыром
в. Свиныя кишки блюда где ушки
Набитыя жиром
Хлеба ломти с слезливым сыром.
- 5.1 Хлеба ломоть
5.2 а. <с> слезливым сыром
б. одетые
- 9–10 Разговоры
Про ссоры
- 12 Ало<рыж>их людей
- 14 Дымящіеся щи
- 15 Сыра разрезаннаго свищи
- 17 Белый чародей кипит и шумит
В окончательном варианте союз и не зачеркнут.
- 23 Жирная дымная говя <дина>
- 25.1 а. Разго<воры>
б. Беседы
- 28.1 Цепочка золотая скачет
При правке слово скачет не зачеркнуто.
- 28.2 а. на отворенн<ом>пузе
б. на открытом пузе
- 31 Еще и еще подал<а> алое в чаду мясо бычье
- 33 Тутіе мешки людских лиц
- 37–51 Ст. зачеркнуты по вертикали.
- 42 Начато: На стеклянном <сте^>
- 50 И со сли<вками> бел<ыми>хрупкія трубки
При окончательной правке словосочетание И со сли<вками> бел <ыми>в начале ст. не зачеркнуто
- 51 Мирные переговоры о водке.
При окончательной правке словоформа водке не исправлена.
- 52', 53'–56' Написано слева от ст. 59–62 как вариант ст. 52, 54–55
- 63 а. Хлеб делит по крошкам
б. Хлеб дочкам делит по крошкам
- 66 Другой пошел быт
- 67 Ноне больше глазами обед
- 69 А брюхо давно записало<сь> в угодники
- 70 а. Начато: Мт
б. В дальнейшен весь ст. зачеркнут и восстановлен
- 71 а. К золотому кружку
б. К золотому _____
- 72 Начато: Лишь старым [кушать] [гл]
Окончательный вариант, возможно: Лишь старым <кушать> глазам<и>
- 74 а. Нет и деды
б. Нет и дедушки
При правке (б) слово деды не зачеркнуто
- 76 Начато: На хлебе таком нужно капусту са<^>
- 81–84 81 Голод суровый Кашей
82 Голод
83 Голод сегодня выгнан взашей
84 Будут сыты сегодня
Исходный вариант:
83 Голод сегодня прогнан

- 81 Будет как надо как надо
 После 84 Зачеркнуто, восстановлено ниже (см. ст. 86):
     i. И у сестер не будет сегодня слез
     ii. А завтра <—> что будет потом?
 В исходном виде:
     i. И у сестер не будет завтра слез
 85 Начато: Мыши Спа<^>
 86.1 И у сестер голодных
 86.2 Сегодня не будет больше слез. Слово слез зачеркнуто и восстановлено.
 92 Начато: Он сст<^>

REFERENCES (PRIMARY)

- Editions of Velimir Khlebnikov's works and archival repositories cited in this article:
 IS *Izbrannye stikhotvoreniia*. Ed. N. Stepanov. Moscow: Sovetskii pisatel', 1936.
 PDPP *Poeziia. Dramaticheskie proizvedeniia. Proza. Publitsistika*. Comp., ed. and annot. by A. E. Parnis. Moscow: Slovo, 2001.
 KRYSA *Velimir Khlebnikov's Krysa*. Ed. Ronald Vroon. Stanford: Dept. of Slavic Languages & Literatures, 1989.
 RGALI *Rossiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva*.
 SP *Sobranie proizvedenii*. 5 vols. Ed. N. Stepanov. Leningrad: Izd. pisatelei, 1929–1933.
 TV *Tvoreniia*. Ed. A. E. Parnis and V. P. Grigor'ev. Moscow: Sovetskii pisatel', 1986.
 SS *Sobranie sochinenii*. 6 vol. Vol 6 in two books, 6/1 and 6/2. Ed R. V. Duganov and E. R. Arenzon, Moscow: IMLI RAN Nasledie, 2002–2006.

REFERENCES (SECONDARY)

- Borodin A. "O Velemire [sic] Khlebnikove." *Bakinskij rabochij* July 16, 1922: 4.
 Kozlov Dmitrii. "Novoe o Velemire [sic] Hlebnikove." *Krasnaya nov'* 8 (1927): 177–188.
 Parnis Aleksandr. "Velimir Hlebnikov: 'Kogda ya zhil v Baku, v strane ognia...'" *K 125-letiyu so dnia rozhdeniya poeta*." *Pro knigi* 4 (2010): 15–27.
 Patenaude Bertrand. *The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford: Stanford Univ. Press 2002.
 Polyakov Vyacheslav. *Golod v Povolzh'e, 1919–1925 gg.: proishozhdenie, osobennosti, posledstviya*. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2007.
 Samorodova Ol'ga. "Poet na Kavkaze: vospominaniya." *Zvezda* 6 (1972): 186–194.
 Smith Douglas. *The Russian Job. The Forgotten Story of How America Saved the Soviet Union from Ruin*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2019.
 Starkina Sofiya. "K rekonstrukcii stihotvornogo triptiha V. Hlebnikova 'Tri obeda'." *Velimir Hlebnikov v novom tysyacheletii*. Moskva: IMLI RAN, 2012: 85–90.
 Vroon Ronald. "'ZZyzz — — — zhzha!..' Textual Criticism and Textual Politics in a Poem by Velimir Khlebnikov." Fleishman Lazar, David M. Bethea, Vinitzky Ilya (eds.). *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*." Stanford Slavic Studies 50. Berlin: Peter Lang, 2020: 485–502.

Роналд Врон

ПЕСМЕ ПОД НАЗИВОМ „ГЛАД“ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА: ТЕКСТОЛОШКА АНАЛИЗА

Резиме

Велимир Хлебников се у јесен 1921. године преселио у Пјатигорск, где је из прве руке искусио катастрофалну глад у сливу реке Волге. Написао је многе песме посвећене

гладу, међу њима су и варијанте оне коју је у неколико наврата насловио управо тако: „Голод“. Три варијанте ове песме су биле објављене, док је шест остало необјављено. Све варијанте, осим једне коју је објавио Дмитриј Козлов 1927. године, или су недовршене бледе копије ове песме или су још увек њени веома груби нацрти. Дате песме су предмет нашег рада, који настоји да осветли три главна развојна пута којима је песма кренула, тачније које је Хлебњиков изабрао да развије и доврши своје дело.

Кључне речи: Велимир Хлебњиков, Дмитриј Козлов, глад, „Голод“, „Три обеда“, глад у сливу реке Волге, текстологија.